

Содержание

Мир – отстой.....	9
Маска недоумения.....	16
Чеснок и костюмы ангелов.....	24
Дикие шимпанзе.....	32
Могила Ярле.....	40
Здоровенная мумия.....	44
Пузырь.....	51
Небольшое землетрясение.....	57
Нет.....	63
Приманка.....	68
Похищение пиццы.....	74
Дыра в стене.....	79
Чудище в НЛО.....	87
Боевой раскрас.....	96
Чувство меры.....	103
Завтрак в духе дзен.....	108
Балдеж с селедками.....	113
Чертова кошка.....	119
Выбор.....	127
Мускулы или манная каша.....	134
Эксперты.....	144
Преступница.....	154
Чистая засада.....	164
Тебе-то хорошо.....	174

Горгульи и рождественский колпак.....	182
По ту сторону черной дыры.....	188
Мяч-прыгун.....	197
Аварийный выход.....	204
Будем договариваться.....	209
Трещина.....	220
Ничего.....	232
Идея.....	243
У каждого свои закидоны.....	250
Правда о прозвище «Пузырь».....	257
6-й «Б» на кладбище.....	270
Зомби из Мёлльбю.....	276
Почти.....	285

МИР – ОТСТОЙ

Кине лежала на кладбищенской скамейке и гнала от себя мысли об этом долбанном бассейне. Думала о любой ерунде, лишь бы не о нем. Например, вот скамейка, тошнотно-зеленого цвета. Железная ножка подогнулась, и сиденье накренилось. Лежать было неудобно, приходилось крепко держаться за спинку, чтобы не скатиться на землю. Никто в их захудалом городишке не собирался чинить скамейку, да и кому в голову взбредет тащиться на заброшенное кладбище?

А может, все наоборот? Никто сюда не приходит из-за негодной скамейки? Или никто попросту не думает ни про кладбище, ни про скамейку? Скорее всего, последнее. В Мёлльбю вообще думать не принято. Единственный город на свете, где на всех выдали одни мозги. И единственный, где умудрились сделать официальным такой гадостный зеленый цвет. Да пошли бы они все... Кине скривилась, ощутив во рту привкус этой яркой мысли, кисловатый и мерзкий. А уроки плавания тут совсем ни при чем. О них она даже не думала. Подумаешь, плаванье!

Кине вздохнула. Перевернулась и потянулась за бумажным стаканом с какао, который стоял на земле. Какао

остыло, но Кине все равно отхлебнула, разглядывая старинные надгробия. Вокруг них сбилась осенняя листва, как будто они были намагничены. Смертельные магниты. Покосившиеся, замшелые, с ангелами и старинной вязью надписей.

Старинная вязь... Каменный век, — впрочем, чего еще ждать от Мёлльбю? Непонятно даже, откуда в таком залустном городишке взялся бассейн.

Никогда в жизни — или смерти — на ее надгробии не будет никакой вязи. Только череп. Череп и имя. Ну и, возможно, короткая эпитафия: «Здесь покоится Кине. Двенадцать лет рабства. Наконец-то свободна».

Но пока она, к сожалению, жива, а кладбище остается единственным ее прибежищем. Сюда ненавистная школа еще не успела добраться. Здесь можно спокойно отдышаться, не опасаясь нашествия придурков. Здесь можно спокойно дышать. На кладбище Кине чувствовала себя как в непроницаемом пузыре посреди враждебного окружения. Обычно люди не любят бродить по кладбищам. Боятся, небось, что смерть заразна. Можно подумывать, стоит взглянуть на могилу, и тут же скукожишься, как изюмина.

А может, они насмотрелись сериалов про зомби? Вряд ли... Зануды про зомби не смотрят.

А вот Кине покойников не боится. Не то что живых! Эти живые заставляют ее заниматься тем, что она ненавидит.

Кине перебирала в голове разные способы отмотаться от бассейна, но все, что приходило ей на ум, она уже перепробовала. Врала. Сбегала с уроков. Разыграла в лицах весь справочник практического врача. Рвота. Грипп.

Корь. Лихорадка. Она даже попыталась изобразить бешенство, но на «Оскара» ее игра, прямо скажем, не тянула. Что бы такое еще придумать? Сбежать из дома?

Об этом она тоже думала. И не раз. Сбежать, жить своей жизнью. Делать что нравится, учиться чему хочется, а все остальное она в гробу видала. Люди вроде бы рождаются свободными, или нет?

Но где тогда жить? И на что? Нужна еда. А чтобы была еда, надо жить дома. А чтобы жить дома, надо ходить в школу. Ну и порядочки тут у них: ребенок, чтобы не умереть с голоду, должен переться на плаванье! А чего тогда столько крику о правах ребенка?

Кроваво-красный лист пролетел мимо ее лица и опустился на остывшее какао. Некоторое время он пытался удержаться на плаву, но в итоге пошел ко дну. Кине села и подняла глаза вверх. Над ней нависло облетевшее корявое дерево. Ну конечно, единственный оставшийся на нем лист должен был отравить ей какао.

А может, это знак? Вдруг она утонет в бассейне? Как она сразу не догадалась? Кине засмотрелась на ворону, точившую клюв об узловатую ветку. Интересно, вороны умеют плавать?

Кине вскочила и с гневным воплем поддала ногой рюкзак. Он шмякнулся о надгробие, выплюнул пенал и с хрустом упал на промерзшую листву.

Город — отстой! Школа — отстой! Мир — отстой! И рюкзак туда же! Кине готова была съесть ненавистный рюкзак, только бы не идти в школу. Да, да, весь рюкзак со всем содержимым. Включая заплесневелые бутерброды в боковом кармане. У нее уже две недели не хватало духу в него заглянуть.

Разумеется, Кине собиралась выкинуть старый завтрак, но отложила на другой день. На другой день забыла. На третий – не хотела вспоминать. А потом решила: какие бы организмы ни завелись в кармане рюкзака, имеет ли она право их беспокоить? Возможно, там уже образовались джунгли в миниатюре, в которых обитают новые формы жизни. Может, она вывела неизвестный вид плесени, которая спасет человечество от смертельных болезней? Потомки будут вспоминать ее с благодарностью.

Но какой бы мутации ни подвергся печеночный паштет, Кине готова была съесть и его, лишь бы не идти в школу.

Ворона плавно спланировала с дерева на распластанных крыльях и приземлилась возле рюкзака. Потыкала в него клювом. Кине готова была съесть и ее. Сырую. Со всеми перьями.

Голова закружилась. Кине показалось, что ее больше нет. На самом деле. Ее это испугало. Не на шутку. Город, жизнь отодвинулись куда-то далеко. Кровь прекратила свой круговорот и скопилась в ногах. Кине чувствовала себя одновременно пустой и тяжелой, как ее рюкзак, – поганая емкость, полная плесени.

А ведь вообще-то она прилично плавает. Не олимпийская надежда, конечно, но и не худшая в классе. Правда, и не лучшая. Лучшие – две девочки-синхронистки. Что они вытворяют в воде! Зато Кине может проплыть дальше, чем Ярле. Вроде бы...

При одной мысли о Ярле Кине закипела. Ярле – жлоб. Ярле – трепло. Сам-то он себя величает Ярле-Король. Но король он только для своей банды. В нее сбились

такие отморозки, каких еще поискать. Ярле по тупости даже не знает, что ярл — это хёвдинг, типа племенной вождь. Нельзя быть одновременно королем и ярлом. Но недоумок Ярле в таких тонкостях не разбирается.

Если кому-то и следует гнить здесь, на кладбище, так это Ярле. Без него воздух в Мёлльбю стал бы чище.

Кине махом опрокинула в рот остатки какао и подавилась листом. Она закашлялась так, что из носа у нее потекли коричневые струйки какао. Глаза защипало.

Она отшвырнула стакан на землю и поддала его ногой так, что полетели комья грязи. Ворона отпрыгнула на всякий случай и стала наблюдать за Кине.

— Чего уставилась?

Подойдя к надгробию, Кине подняла пенал. Молния на нем давно сломалась, замок заело посередине. Цветные карандаши рассыпались. Кине опустилась на колени и начала их собирать, стараясь не расплакаться.

Внезапно она ударилась коленом обо что-то твердое. Боль пронзила всю ногу. Поднявшись, Кине потеряла колено. В земле что-то блеснуло. Осколок стекла? Кине пнула его, но он сидел в земле крепко. Она пнула снова. Потом еще раз. Удары по находке сыпались один за другим, пока пальцы у нее на ноге не заболели. Вверх летела черная земля и мерзлые листья. Кине надеялась, что это ценная штукавина: она расколошматит ее на тысячу осколков. На сотню тысяч.

...Так вам и надо! Чтоб вы сдохли!

Внезапно Кине почувствовала, что она не одна. На нее в ужасе таранилась какая-то бабка. Очередное проклятье застряло у нее в горле, она так и застыла с поднятой ногой.

Высоко поднятые бабкины брови будто приклеились к парику. Шеи не было. Голова торчала прямо из рыжего лисьего воротника. Казалось, лиса вскарабкалась на такую верхотуру, чтобы сдохнуть под бабкиной мордой. Розовая помада растеклась по морщинкам вокруг рта, и бабка его уже разинула, чтобы произнести гневную речь.

Кине поняла, что пора делать ноги. Она схватила рюкзак и побежала. К счастью, кладбищенские ворота были такие раздолбанные, что их и открывать не требовалось, Кине, как всегда, проскользнула через отогнутые прутья. Вслед ей несся поток такой отборной брани, рядом с которой ее собственный словарный запас походил на детский лепет. Здравсьте, приехали! Теперь и на кладбище нет покоя.

Пока Кине бежала, в горле у нее разрастался ком. С противоположной стороны улицы Квелегата ее позвал Ноа, он стоял там со своей передвижной кофейней. Ноа хотел по привычке угостить ее какао, но Кине притворилась, что не слышит. Она пробивалась сквозь толпу хмурых людей. Народу полно! Машины сигналият! На всем земном шаре нет места, где она могла бы побыть одна.

Что там блестело в земле?

Впрочем, какая разница, поздно об этом думать. Ее находка уплыла навсегда. Наверняка чокнутая живодерка с лисой на шее унесла ее с собой. Вопиющая несправедливость!

Старым уже ничего не надо. Счастливые, они скоро умрут. Могила — не постель, из могилы их никто не

вытащит и не погонит в бассейн или на хор. Постареть бы скорей! Сколько ей лет до пенсии?

Хоть Кине и не была чемпионом по устному счету, лет все равно выходило не меньше пятидесяти. Никаких шансов выйти на пенсию к завтрашнему утру.

МАСКА НЕДОУМЕНИЯ

Кине проснулась с ощущением, что конец света притаился за углом. Иными словами, наступил самый обычный день.

Она почти всегда просыпалась за мгновение до сигнала будильника. Ее будил мозг из соображений самосохранения, потому что хуже, чем звук будильника, звуков на свете нет. Пронзительное пиликанье становится все громче и громче, пока не просверлит дырку в черепе.

Будильник изобрели инквизиторы в Средние века, но Кине вынуждена им пользоваться, поскольку мама решила, что держать мобильник в постели вредно. А если мама чего решила, то так тому и быть, пусть даже земной шар остановится. Мама была точно чайка. Кружила над жертвой с пронзительным криком, снова и снова, пока не добивалась своего.

Самое обидное, что из-за этого проклятого будильника кошка отказывалась с ней спать. Первый раз, когда он зазвонил, Типси чуть не умерла от страха и теперь предпочитает держаться подальше.

Кине высунула руку из-под пухового одеяла, нащупала кнопку будильника и выключила его. В комнате был лютый холод. Мама-чайка купила какую-то автоматическую

штуковину, которая ночью снижала температуру батареи почти до нуля. «Ради экономии энергии», — объяснила она. Но дураку ясно, что она просто хотела заморозить Кине мозги и превратить ее в безвольного и послушного зомби.

Кине открыла один глаз. На будильнике светилась дата: «Пятница. 13 ноября». С тем же успехом там могло быть изображение черепа и костей.

От предстоящего урока плавания узел в животе затянулся еще с вечера. Всю ночь он постепенно поднимался наверх, пока не добрался до горла. И, когда он уже готов был ее задушить, Кине проснулась. За доли секунды до беспощадного будильника. И с готовым планом.

Планов у нее, конечно, были миллионы. Но этот план — особенный. Всем планам план.

В чем она ошибалась? В том, что постоянно изобретала отговорки. Любой идиот видел ее насквозь, а все попытки отмотаться от бассейна вызывали подозрения. Это был тупиковый путь.

Кине села и достала из-под подушки спрятанное там письмо. Она написала его вчера вечером, и теперь оно обеспечит ей свободу на целый день. Она бережно развернула его и положила на одеяло. Может, лучше сначала застелить кровать? Нет... Папа почует неладное. Или решит, что с Кине стряслось что-то и правда серьезное. Все должно выглядеть естественно.

Кине искала одежду. Все вещи лежали на полу. Мама говорит, у нее в комнате настоящий тарарам, но у Кине есть собственная система хранения, маме ее не постичь. Чем вещи чище, тем ближе они к кровати. Вчерашняя одежда лежит в ногах, а недельной давности валяется

у самой двери. Между ними — вещи, надетые в понедельник, вторник, среду... Все под контролем.

Кине оделась, спрятала красный рюкзак в шкаф и в очередной раз перечитала письмо.

Папа,

Мне приснился страшный сон, и я проснулась задолго до будильника. Уснуть снова не получилось. Я ушла в школу. Да, курпальник не забыла. Увидимся вечером.

Кине

Идеально. Коротко и по существу. Именно так и надо. Говорят, чем длиннее и запутаннее ложь, тем проще ее разоблачить. При этом в письме нет ни слова о том, будто она не хочет куда-то идти. Записка от послушной дочери с отморозенными мозгами. А упоминание о страшном сне — просто вишенка на торте. Ну как после этого не пожалеть ребенка? Бедняжка Кине, не выспалась, ее мучили кошмары, но она все равно мужественно пошла в школу.

Несмотря на укол совести, Кине легла на живот и заползла под кровать. Там она обнаружила, что не все, о чем кричит мама-чайка, лишено смысла. Например, пропылесосить было бы и правда нелишне. Надо как-нибудь попробовать.

Из кухни ее окликнул папа. Раз. Другой. Заскрипела лестница. Раздался стук в дверь.

Все шло по плану. Папа до смешного предсказуем. Кине усмехнулась и чуть не проглотила клубок пыли, сбившийся у самого рта.

— Кине?

Кине притаилась как мышка, когда дверь открылась. Из-под кровати она видела только папины шерстяные носки. Они шаг за шагом приближались. Папа ходил в шерстяных носках, потому что пол на кухне был ледяной. На одной пятке была дырка. Папа вышел из положения, надев шерстяной носок поверх простого.

Носки остановились возле кровати. Зашуршало письмо, видимо, папа его читал. Пыль щекотала Кине губы. Она перестала дышать. Еще несколько секунд, и она свободна. Папа уйдет на работу, а она сможет валять дурака целый день: играть в игры и питаться исключительно кукурузными хлопьями.

Носки отступили назад. Прекрасненько. Уходит. Кине зажмурилась и молча молилась о том, чтобы он поторопился. Но, открыв глаза, увидела прямо перед собой папино лицо. Кине вскрикнула от неожиданности и глубже заползла под кровать. Несчастная Типси, вот, значит, что она чувствует, когда на нее надвигается пылесос.

Папа схватил Кине за щиколотку. Она даже охнуть не успела, только с перепуту пнула его ногой. Но что толку, папа намного сильнее. Он безжалостно выволок Кине из-под кровати, как тряпичную куклу.

Щекой она проехала по полу, в рот набилась пыль.
— Мне почти двенадцать! — возмутилась Кине.

Но даже если и существует закон, запрещающий выволакивать из-под кровати всех, кому почти двенадцать, папа, судя по всему, о нем ничего не слышал. Он ослабил хватку только тогда, когда Кине оказалась посреди комнаты. Она лежала вниз лицом и пыталась отдышаться. Переворачиваться на спину она не собиралась. Чувствовала себя оскорбленной, раздавленной, униженной...

— Это жестокое обращение с ребенком! — вопила она, хотя понимала, что заявление спорное, особенно произнесенное в вонючую футболку, которая выехала вместе с ней из-под кровати. Та самая розовая футболка. Кине носила ее в четвертом классе. Значит, футболка обитала под кроватью с тех самых пор.

Папа не отвечал. Наконец Кине повернулась и посмотрела на него снизу вверх. Он возвышался над ней, точно бородатый великан. Непокколебимый, как скала. Однажды она, Аврора и Виви попытались повалить папу. Несколько лет назад. Три подружки против одного мужчины. Ничего у них тогда не вышло.

Папа не рассердился. Он вообще почти никогда не сердился. Все обстояло намного хуже. Он недоумевал. И ничего страшнее этого слова Кине не знала. Папу окутывал сплошной покров из недоумения. Невидимый, но сотканный из всех ее проступков.

Повезло еще, что он хотя бы молчит. Не выносит ей мозг. Выносить мозг и читать нотации — это мамина привилегия. Какое счастье, что мама сейчас на йоге.

— Завтрак на столе, — буркнул папа и закрыл за собой дверь чуть громче обычного.

— Диктатор! — крикнула Кине ему вслед.

Она встала, вытряхнула пыль из волос в слабой попытке сохранить достоинство, но даже если оно у нее когда-то и было, то сейчас осталось под кроватью. Вместе со свитером, который Кине когда-то нарочно потеряла, и тюбиком клея с блестками. Унижение не отпускало. Она чуть не заплакала, но злость оказалась сильнее. Никто не желает ее понимать. Ее вечно заставляют делать то, что ей совершенно не нравится.

Кине открыла шкаф, в котором мама заставляла ее наводить порядок, вытащила рюкзак, с которым ее заставляли ходить в школу, спустилась по скрипучей лестнице в кухню. Завтракать почему-то надо обязательно в кухне. Папа поставил на стол кукурузные хлопья. Кине села на свой шаткий стул, залила хлопья обезжиренным молоком — мама считала цельное молоко губительным для здоровья, — и взяла в руку ложку, которой ее заставляли есть с самого детства. Не чайную, не столовую, а так, что-то среднее.

Кине хрустела хлопьями и украдкой поглядывала на папу. Он сидел за ноутбуком и читал новости. Кине почувствовала, как к ней возвращаются кое-какие утраченные позиции: при маме папа никогда себе этого не позволяет. Кухня — не место для компьютера.

Мама помешана на том, чтобы все было на своем месте. Даже бактерии. Насколько Кине понимает, в ванной и на кухне живут разные бактерии, встретившись, они могут развязать войну. То есть злейшие враги невидимых тварей из ванной находятся в посудомоечной машине. А еще кто-то говорит, что это у Кине бурная фантазия... Ну-ну...

Вот из-за всех этих маминых теорий люди и верят, что она ведет суперздоровый образ жизни. Что она Супер-Суннёве. Но будь она и в самом деле такая супер, она бы не поела тайком миндальные пирожные под названием макарон. Мама думает, что никто ничего не замечает, — как бы не так. Кине не один раз видела эти макароны в маминой спортивной сумке. Первый раз у Кине был форменный шок, она до сих пор его помнит. Два розовых пирожных лежали в прозрачной упаковке,

рассчитанной на восемь штук. Восемь! Значит, мама успела съесть целых шесть штук, ни с кем не поделившись. Но главное, именно пирожные макарон она строго-настрого запрещает есть Кине, потому что это самая смертоносная сахарная бомба. Какое лицемерие!

Конечно, Кине об этом и словом не обмолвилась, хотя мама всегда настаивает, что нужно говорить обо всем открыто. А поговорить она любит. До такой степени, что иногда говорит сама с собой. Собственно, ради этого она и запрещает приносить на кухню компьютер: за столом нужно разговаривать, а не пялиться на экран. Только разговоры у взрослых очень скучные. Про работу да всякую фигню.

Папа говорит о своей геологии, о камнях и землетрясениях. О вероятности крупных природных катастроф, если что-то пойдет не так. А мама о гигиене и микробах в пище и о том, что из-за этой мелочи тоже могут произойти крупные катастрофы, если что-то пойдет не так.

Разве это нормально? Помнить, что в любой момент все полетит в тартарары, и париться из-за цельного молока?

Кине ополоснула свою миску и убрала ее в посудомоечную машину. Это требование приходилось выполнять после каждой еды. Потом вышла в прихожую, надела теплую куртку — тоже по требованию мамы, — потому что началась зима и в любимой камуфляжной куртке слишком холодно. Прихожая была тесной, и дверь в кухню никогда не закрывали, поэтому Кине по-прежнему видела папу. Чтобы хоть как-то уединиться, она натянула на голову капюшон. Если бы папа только понимал, до чего ей тошно, он бы ни за что не отправил ее в школу. Но

у папы, у этого мохнатого орангутанга в ковбойке, нет ни капли сострадания.

Получается, оба родителя похожи на животных. Папа – на волосатого орангутанга, мама – на горластую чайку. Чего удивляться, что дочке иногда сносит крышу?

Папа взглянул на Кине и протянул ей сахарницу.

– На, возьми с собой в автобус.

– Сахар? В автобус?

Кине внимательно посмотрела на него. Так, у предка тоже крыша поехала.

– Ну да, а то тебя с такой кислой физиономией в автобус не пустят, – объяснил папа.

У Кине вертелась на языке пара теплых слов в ответ, но она смолчала. По дороге к входной двери она споткнулась о стопку упакованных рождественских подарков. Их следовало отправить завтра – завтра был крайний срок. У мамы слова «крайний срок» вызывают приступ помешательства. Кине, бурча под нос ругательства, сбежала по лестнице с пятого этажа, – лифта в доме не было, – чтобы успеть на автобус, который отвезет ее в самое унылое место на свете, где взрослые получают нездоровое удовольствие, заставляя детей плавать и петь в хоре.